

ИГОРЬ ЛЕВШИН

№10 1996

"MOTUS RECIPROCUS"

В тот день они отмечали годовщину своего знакомства. День начался с уборки. Была суббота, и Николаю пришлось участвовать по мере способностей в приготовлениях, что он делал, впрочем, почти охотно. Ольга неплохо себя чувствовала и не нервничала по пустякам. Гостей, конечно, не звали. И не ждали. Даже того гостя, что заявился, так сказать, на ночь глядя. О котором, собственно, речь.

Единственное достоинство их квартиры было то, что для приведения ее в божеский вид требовался минимум усилий. В маленькой единственной комнате стоял диван, его надо было пылесосить, шкаф из мореного дуба, журнальный столик с телевизором на нем, книжные полки у окна. Еще две полки в узком коридоре. Кухня и совмещенный санузел тоже были достаточно миниатюрны.

Когда недавно появился вариант обмена, наотрез отказался Николай, и не из-за доплаты, вполне приемлемой, а так, отказался и все. Ольга была

бы не против. Он провел в этих стенах свои самые счастливые полгода, а она - полжизни. Чуть ли не двадцать лет.

Это была, в сущности, уютная квартира на двоих. Отец Ольги, которому они были обязаны знакомством, вел уроки труда в школе напротив. Все буквально здесь было либо сделано его руками, либо носило след его прикосновений. На кухне висела его чеканка с Царицей Тамарой.

В дни уборки Колиной территорией была ванная комната с раковиной и унитазом, ее - кухня, прихожую и комнату убирали вместе. Сама ванна отделялась пластиковой полупрозрачной занавеской на рыболовной леске, на рогульках висели многочисленные полотенца - ровесники, похоже, этого дома, на двери - календарь с полуоголым распираемым мышцами Нортоном Коммандером. Иногда, из любовного, так сказать, хулиганства они пользовались ванной и туалетом оба одновременно. Конечно, со дня знакомства Ольга сильно изменилась. Быстро управлявшись с уборкой, она надела просторное черное платье с глубоким вырезом и короткими рукавами - его любимое - и, под цвет, тонкие носочки. Зазвенел будильник. "Двенадцать", - напомнил Коля, входя на кухню. Ольга присела. Он налил себе рюмку водки и полрюмки ей. Ольга посмотрела на него вопросительно и, все же, выпила.

И загрустила. "Кстати, ты ванну помыл уже?" - прервала она нарочито бодрым голосом тягостное молчание. Коля заулыбался.

"Тыфу-ты, ей-богу! Я не о том вовсе", - прыснула Ольга и встала к плите. Коля похлопал ее по попке и пошел, что-то мурлыча, пылесосить диван.

Дело в том, что когда Николай только появился здесь, и любовь их носила характер, можно сказать, неистовый, им почему-то нравилось делать это именно в ванне, что из-за ее малых размеров требовало даже известной изобретательности. Теперь она - область воспоминаний, по большей части.

Потом решили перекусить. Коля ел куриную ногу в бульоне и думал о Платоне Андреевиче. Он видел его всего раз, но запомнил хорошо, он даже снился ему иногда. "Ты, Ольга Платоновна, все больше делаешься похожа на отца", - шутил он иногда. Неудачно, по словам Ольги. Она не ела, выпила чаю. На плечах, на руках у нее были, действительно, мелкие веснушки, как у отца. Но вообще у нее была хорошая кожа.

В общем, ничего примечательного в этот примечательный день не происходило. Часа в четыре сели вновь за стол. Коля откупорил купленную на этот случай бутылку венгерского сухого вина, поставил пластинку "АББА". Ольга, раскладывая на тарелке с ободком сервелат, подпевала: "Ван вэй тикет". Тут зашла соседка Наташа, поразительным образом чувствовавшая через стены, когда надо зайти. Ей, конечно, налили. "Ну, как ты?". "Соу-соу", - ответила Ольга по-английски и под музыку. "Что празднуем?". "Так, хорошее настроение". Наташа пошла, поняв, что побеседовать ей не светит, но с порога спросила: "Есть джинсы. Варенка. Иметь в виду?" Коля с Олей переглянулись. На их языке, понятном лишь им двоим, "варенка" значила другое. Соседка ушла наконец.

"Мы уже знакомы с тобой?", - спросила Оля. Он посмотрел на часы (часы были тоже Платона Андреевича). "Да, где-то так". "Так за знакомство!" - Оля выпила, как обычно, немного. Коля выпил полбутылочки и чуть захмелел. "Знаешь, - начал он, - чего бы мне сейчас хотелось..." "Догадываюсь, - она вздохнула, - только, мне кажется, на всякий случай, не надо". Но возражения в очередной раз были признаны

неубедительными. Крякнув, он поднял ее на руки (а это было не так уж легко) и понес по коридорчику. В комнату. На диван. "Дай я хоть постелью, чокнутый!" Не дал.

Диван этот, кстати, тоже стоял здесь с незапамятных времен. Над диваном висел портрет Платона Андреевича с Маргаритой Ильиничной. Она умерла давно. А год назад Николай Александрович Курочкин, то есть Коля, ушел с работы пораньше, хотел зайти в магазин "Рыболов-турист". В магазин он тогда не попал, день этот зато круто изменил его размеренную жизнь.

Ему буквально преградила дорогу женщина с красными глазами и ошарашенного вида. Это была она, Оля. Она сказала, что у нее только что умер отец, и они не могут его перенести. Он ничего не понял, но пошел. Платон Андреевич умер на самом деле часа за четыре до этого, в ванне. Это время он фактически варился в кипятке. Во всяком случае, на шее и на коленях, на уровне краев ванны мертвая кожа вздулась пузырями и полопалась. Ольгу вызвали с работы соседи снизу, к которым протекло.

Ольга постелила простыню на пол. Коля и врач "скорой" через полотенца подняли его за плечи и за колени из ванной и на простыне отнесли,

стараясь не дышать носом, на диван. Коля ушел пораженный, с ощущением отслаивающейся стариковской кожи, до которой он все-таки дотронулся. А через полгода где-то, понял, что не может не увидеть вновь эту заплаканную женщину. Квартиру он помнил. Она уже тогда жила одна.

Трудно поверить, что это было почти что недавно. Их дни были насыщены событиями, заботами и, извините, страстью. ...Коля разделся в мгновение ока и, еще не сняв распахнутую на волосатой груди рубашку, принял за Ольгу. Он не дал ей снять даже носки. Такое, впрочем, у них случалось и прежде. "Только я тебя умоляю", успела она сказать. Он уже водрузил ее живот поверх своего и настойчиво ласкал ее разбухшие груди. Она чуть приподнялась и помогла ему рукой, направляя и немного сдерживая. "От этого не может быть ничего плохого", - сказал он тогда, слегка задыхаясь, и заплясал под ней, шатая старый диван. Эти слова ей запомнились.

А потом она на какой-то момент потеряла сознание. А дальше - белые халаты, носилки, кровь. Она говорит, что с трудом помнит эти несколько часов. Вот, собственно, и все. Боль, говорит, была нечеловеческая. Так ты и родился, мой мальчик. Налей мне еще, пока они не вернулись с гостями. Ну их.

НОВЫЙ ПАПА

В тот вечер Анатолий ушел с дежурства раньше обычного, еще до одиннадцати. В четверть двенадцатого он уже выходил из метро, хмуро озираясь, накрутив на руку авоську с кое-какими купленными днем продуктами. Те фонари, что еще не были разбиты, горели вполнакала. Раньше Анатолий не избегал темных улиц. Последнее время, когда нервы явно стали сдавать, ему то и дело казалось, будто за ним кто-то следит, наблюдает. Тогда он прятался за угол и отхлебывал из бутылочки, которую теперь всегда носил во внутреннем кармане пиджака.

Трамвай на этот раз не пришлось долго ждать. Трамвай был пуст. Голос вожатой объявил, что вагон пойдет на круг. Это устраивало Анатолия: его дом был как раз у круга. Вообще же это причиняло беспокойства. Первые ночи у Ирины он просыпался от скрежета трамвайных колес. Теперь он привык, но зато собственная жизнь представлялась ему замкнутым кругом. И выхода из него он уже не видел и не искал.

Трудно сказать, что здесь было причиной, и что - следствием. Сложные отношения с приемной дочерью или его несдержанность, грубость. Приступы беспочвенной ревности или то, самое, быть может, невыносимое, чем ни с кем нельзя поделиться, придавившее его как раз тогда, когда все готово было, наконец, наладиться.

О том, что он любит Иру, знали многие, в том числе, она, ее муж Александр и, чуть ли не в последнюю очередь, сам Анатолий. Он считался и действительно был другом Александра, и тот знал, что Анатолий никогда не позволит себе ничего предосудительного в отношении Иры. Впрочем, об этом не думали: Ира, тогда крепкая, живая девушка, любила мужа безумно. Фактически, Александр, умирая от опухоли в мозгу, завещал жену и малышку Анатолию.

И сейчас, выходя из трамвая и направляясь к дому, он думал прежде всего о девочке. Девочка была спокойной и незлой, но ее недетское упрямство все чаще выводило Анатолия из себя. Она упорно не желала называть его папой. Странная уверенность Анатолия в том, что, не став ей настоящим отцом, он никогда не станет полноценным мужем, делали ситуацию почти безнадежной.

Елена Скибицкая. Из цикла
"Парки Петергофа", 1992-1995.
Черно-белая фотография.